

Японские исследования. 2020. № 2. С. 96–111.

Japanese Studies in Russia, 2020, 2, pp. 96–111.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10014

Образование новобранцев и подготовка командного состава японской императорской армии в первые годы эпохи Мэйдзи (1868–1912)*

Е.М. Османов

Аннотация: Цель данной статьи – рассмотреть историю формирования системы обучения и подготовки кадрового состава японской императорской армии периода Мэйдзи. В структуре нового государства вооружённым силам отводилась ключевая роль. Они должны были обеспечить безопасность новой власти, способствовать отмене неравноправных договоров, стать инструментом создания богатой страны. Исходя из этого, на всём протяжении периода Мэйдзи основное внимание руководства Японии прямо или опосредованно уделялось вооружённым силам, о чём свидетельствует выбранный в качестве основы государственной политики Японии лозунг «фукоку кё:хэй» – «богатая страна – сильная армия». Заложенные бакуфу основы подготовки армейских кадров были успешно использованы и усовершенствованы правительством Мэйдзи. Бывшая оппозиция, пришедшая к власти в результате революции и занявшая все ключевые посты в новом государственном аппарате, своей первоочередной задачей видела укрепление собственной власти, опасность которой представляли как внутренние (угроза мощных восстаний), так и внешние (давление Запада) факторы. Единственная возможность сделать это заключалась не просто в создании вооружённых сил, но и в подготовке преданных офицеров, то есть среднего и высшего командного состава этих вооружённых сил. В первые годы Мэйдзи образование военнослужащих проходило в войсковых частях и военных школах. Таким образом, мы вправе говорить о том, что военное образование подразделилось на общее и специальное, то есть была создана система, существующая и по сей день во всех без исключения странах. Процесс становления военно-учебных заведений в Японии отличали такие существенные принципы, как постоянный поиск путей совершенствования системы офицерской подготовки, изучение и использование профессионального передового опыта западных стран. В статье рассматриваются основополагающие военно-учебные заведения, в числе которых: Военная гимназия – «Ё:нэнгакко:», Военное (офицерское) училище – «Сикангакко:», Военная академия – «Рикугун дайгакко:».

Ключевые слова: японская императорская армия, О:мура Масудзиро:, Ямагата Аритомо, Военная гимназия, Офицерское училище, Военная академия.

Автор: Османов Евгений Магомедович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Теории общественного развития стран Азии и Африки, Санкт-Петербургский Государственный Университет (адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9). E-mail: osmanov1979@mail.ru

* Исследование выполнено в рамках гранта Дж.Т.И. по Маркетингу и Продажам «Лингвистическая эволюция в контексте развития информационно-коммуникационных технологий» (рук. И.С. Ибрахим).

Education of recruits and training of commanding staff of the Japanese Imperial Army in the early years of the Meiji era (1868–1912)*

E.M. Osmanov

Abstract. The purpose of this article is to analyze the history of the formation of the training and educational system of the Japanese Imperial Army personnel in the Meiji period. In the structure of the new state, the armed forces were given a key role. They were supposed to ensure the security of the new government, contribute to the abolition of unequal treaties, and become an instrument for creating a rich country. On this basis, throughout the Meiji period, the main attention of the Japanese leadership was directly or indirectly paid to the armed forces, as evidenced by the slogan “*fukoku kyo:hei*” – “a rich country – a strong army”, chosen as the basis of Japanese state policy. The foundations for training army personnel laid down by the *bakufu* were successfully used and improved by the Meiji government. The former opposition, which came to power as a result of the revolution and took all the key posts in the new state apparatus, saw as its first priority the strengthening of its own power, the danger to which was represented by both internal (the threat of powerful uprisings) and external (Western pressure) factors. The only opportunity to do this was not just to create the armed forces, but also to train loyal officers. In the early years of Meiji, military education took place in military units and military schools. Thus, we have the right to say that military education was subdivided into general and special, that is, a system was created that exists to this day in all countries without exception. The process of formation of military schools in Japan was distinguished by such essential principles as the constant search for ways to improve the officer training system, studying and using professional best practices of Western countries. The article discusses the basic military educational institutions, including the Military Gymnasium – Yōnen gakkō, the Military (Officer) School – Shikan gakkō, Military Academy – Rikugun daigakkō.

Keywords: Japanese Imperial Army, Ōmura Masujirō, Yamagata Aritomo, Military Gymnasium, Officer School, Military Academy.

Author: *Osmanov Evgeny M.*, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Theory of Social Development of Asian and African Countries, St Petersburg University (address: 11 Lieutenant Shmidt Emb., St Petersburg 199034, Russian Federations). E-mail: osmanov1979@mail.ru

Цель данной статьи – рассмотреть историю формирования системы обучения и подготовки кадрового состава японской императорской армии периода Мэйдзи. Для исследования выбраны ключевые и, в то же время, наименее освещённые в историографии проблемы, подробный анализ которых позволяет значительно углубить и во многом по-новому оценить сильные и слабые стороны японских вооружённых сил. Созданная в этот период военная система показала свою эффективность в ряде крупных военных конфликтов, завершившихся победой Японии. В общественном сознании японцев эти победы представлялись вполне естественными, обусловленными «особенностью и уникальностью» существовавшей в Японии императорской системы, находящейся под благосклонным покровительством синтоистских божеств. Но в действительности на эффективность этой

* The research was undertaken with the support of the grant J.T.I. Marketing and Sales “Linguistic evolution in the context of the development of information and communication technologies” (headed by I. S. Ibrahim).

системы влияло множество факторов, в числе которых традиционные способы воздействия на социум, характерные для восточного, в том числе и японского менталитета; порядок и законы, на основе которых строилась жёсткая дисциплина, патриотизм и военный фанатизм, обеспечивающие победы японского оружия. Немаловажную роль в этом сыграла система обучения новобранцев и подготовка командного состава армии.

Процесс становления военно-учебных заведений в Японии отличали такие существенные принципы, как постоянный поиск путей совершенствования системы офицерской подготовки, изучение и использование профессионального передового опыта западных стран.

Выбор темы исследования обусловлен тем, что до настоящего времени в мировой историографии вопросы подготовки японских военнослужащих периода Мэйдзи остаются практически неизученными. Не существует и переводов с японского языка текстов официальных документов и инструкций, регламентирующих жизнь солдат и офицеров императорской армии. В качестве основы исследования были использованы архивные материалы периода Мэйдзи, официальные сборники документов и императорских указов, документы и уставы, обращенные к военнослужащим, труды известных отечественных и японских военных теоретиков.

Создав вооружённые силы, основой которых, в отличие от ранее существовавших самурайских воинских формирований, стали представители простого народа, основная масса которых были выходцы из крестьянского сословия, правительство столкнулось с серьёзной проблемой. Её суть заключалась в том, что, несмотря на имевший место достаточно высокий уровень общей грамотности японского населения, в новых исторических реалиях японцы не могли угнаться за существующими темпами вестернизации, что порождало не только различные мифы относительно западного образа жизни и технических средств, но и вызывало определённые сложности, связанные с организованной на европейский лад армейской жизнью.

Таким образом, одна из целей правительства заключалась в том, чтобы вооружённые силы, ядром которых была молодёжь, сделать проводником новых знаний, которые после демобилизации военнослужащих должны были распространяться и в среде гражданской части японского общества. Следовательно, в условиях, когда европеизированная система образования практически полностью отсутствовала, именно вооружённые силы, помимо своих прямых задач, несли на себе и образовательную функцию. В данном ключе очевидной является взаимосвязь вооружённых сил и японского общества в целом. Многие военнослужащие вспоминали, что своему успеху в жизни они обязаны в первую очередь тем знаниям и навыкам, которые они получили в ходе армейской службы.

Популярный в СССР и современной России лозунг «армия – школа жизни» в несколько изменённом виде начал использоваться в Японии уже в семидесятые годы позапрошлого столетия. В японских наставлениях для военнослужащих можно встретить следующее выражение: «Армия защищает империю, а военная служба – открывает путь к новым знаниям» (軍隊は帝国を守り、軍役は新知識の道を開ける Гунтай ва тэйкоку о мамори, гунъэки ва синтисики но мити о акэру) [Айдзава, 1886, с. 4].

Заслуживает внимания и сам процесс внедрения этих новых знаний. Так, в 1875 г. военным руководством была разработана инструкция, в соответствии с которой каждый новобранец при поступлении в гарнизон получал пакет документов, в числе которых были и правила прохождения службы, некоторые разделы которых предусматривали разъяснения

относительно тех или иных новшеств, с которыми бывшие крестьяне были абсолютно не знакомы. Кроме того, командному составу всех рангов предписывалось не реже, чем раз в неделю, проводить собрания, на которых надлежало не только отвечать на вопросы военнослужащих, но и проводить определённую тематическим планом беседу. В ходе таких бесед солдатам разъяснялись насущные политические и экономические вопросы, международная ситуация и западные достижения как в области военного дела, так и в организации службы.

Здесь уместно провести некую аналогию с опытом российской армии во времена существования рекрутской системы (до 1874 г.). Поскольку призванный на военную службу был обязан посвятить ей практически всю свою жизнь¹, вопрос «комфортного» психологического внедрения рекрута в эту систему стоял достаточно остро. Для решения этой проблемы к каждому рекруту в полку приставляли особого солдата из старослужащих – так называемого дядьку, который не только выступал своеобразным психологом, но и обучал новобранца необходимым знаниям и навыкам. Поэтому не случайно, что именно в армии солдат становился человеком грамотным, что открывало перед ним определённую перспективу – получить должность сторожа, дворника, швейцара, писаря сельской общины и т.д.

Однако, как отмечал барон А. Гакстгаузен, общий нездоровый климат в российской армии привёл к тому, что отставные солдаты стали «зародышем пролетариата» в России [Гакстгаузен, 1870, с. 82]. При формировании своих вооружённых сил японцы учли тот факт, что насильственное внедрение знаний, равно как и жестокое обращение, озлобляет солдата, толкает его на путь противоправных действий, что в Японии семидесятых годов XIX столетия представляло реальную опасность. Поэтому за основу был взят принцип ненасильственного внедрения знаний и правил, в основе которого лежали традиционные конфуцианские морально-этические ценности, облачённые в соответствующую эпохе форму.

Мэйдзийскому правительству, провозгласившему первоочередной задачей создание сильной армии и флота, были необходимы многочисленные, хорошо обученные офицерские кадры. Отсутствие образованных офицеров в войсках бакуфу привело к его неспособности оказать действенное сопротивление нарастающей в стране оппозиции и, как следствие этого, к его краху.

Печальный опыт бакуфу заставил осознать мэйдзийское руководство, что основа вооружённых сил – их профессиональный командный состав. Как отмечает известный военный теоретик профессор А.И. Каменев: «Офицеры являются настоящим фундаментом, на котором должно покоиться величественное здание современной армии. Если прочен фундамент, то устойчиво и всё здание; но, если внизу вместо крепкого камня песок и мусор, то, как бы ни были изящны кариакиды, как бы ни сверкали на солнце позолоченные шпицы башен, и красота его, и кажущаяся прочность – это только опаснейший обман» [Каменев, 1999, с. 292]. Данное утверждение, выдвинутое в отношении российской армии последней четверти XIX века, с полным основанием можно отнести к любому времени и любой армии,

¹ До 1793 г. срок военной службы в российской армии не регламентировался и был практически пожизненным. С 1793 г. срок службы стал составлять 25 лет, в 1830-е годы он был уменьшен до 20 лет. Во время правления Александра II срок службы был сокращён до 15 лет, из которых действительная служба занимала 12 лет. За счёт введения системы увольнений в 1860-х годах сроки действительной службы сократились ещё больше и ко времени принятия Устава о воинской повинности в 1874 г. при общем сроке службы в 15 лет действительная служба составляла 7 лет.

в том числе и японской. Но в отличие от большинства офицеров российской армии, которые, получив, а нередко и неофициально купив чин, пренебрегали обучением и воспитанием солдат, подготовка офицерского корпуса в Японии всецело строилась на понимании его исключительной роли в войсках. Следствием этого понимания стало открытие военных учебных заведений, готовящих действительно высокопрофессиональные кадры.

Процесс становления военно-учебных заведений в Японии отличали такие существенные принципы, как постоянный поиск путей совершенствования системы офицерской подготовки применительно к складывающейся в Японии и за её пределами общественно-политической и экономической ситуации, изучение и использование профессионального передового опыта западных стран.

Огромную роль при этом играла идеология государства в целом и вооруженных сил, в частности. «Солдату необходимо указать наилучшую дорогу к славе, поднять в нём те нравственные качества, которые необходимы для военной службы, постараться привязать её к последней, дабы он мог отдаться ей всей душой, всеми помыслами» [Тулзаков, 1913, с. 133] – гласило руководство по подготовке солдат императорской армии, изданное незадолго до японо-китайской войны.

Обязанность воспитания солдат возлагается на офицерский корпус, поэтому именно подготовка офицеров, на наш взгляд, является основой сильных, сплоченных вооружённых сил. Как справедливо отмечает А.И. Каменев: «Военное образование никогда не может достигнуть своего полного развития без основательного народного просвещения; но и самое высшее народное просвещение не может восполнить недостатка в военном образовании. Если поражения войска происходят вследствие недостатка первого, то победы его возникают из процветания последнего» [Каменев, 199, с. 292].

Всё это прекрасно понимали проводники реформ в Японии. Одновременно с созданием в 1870-х – 1880-х годах широкой сети военно-учебных заведений, в стране шло введение всеобщего обязательного образования и строительство общеобразовательных школ. О месте, которое отводилось правительством этому образованию, свидетельствует принятие уже в 1872 г. «Положения об образовании» – «Гакусэй» 学制, провозгласившего создание централизованной системы школьного обучения в масштабах всей страны. Поскольку рассмотрение процесса становления всеобщего образования не входит в задачи статьи, логичным будет переход непосредственно к рассмотрению создания системы военного обучения, а точнее – к подготовке командного состава армии и флота.

Первым военным учебным заведением, созданным правительством Мэйдзи, стала Военная школа – «Хэйгакко:» 兵学校. Школа была открыта в августе 1868 г. в Киото по настоянию О:мура Масудзиро: 大村益次郎 (1824–1869), ответственного за военные вопросы при новом правительстве. В январе 1869 г. школа была переименована в «Хэйгакудзё» 兵学所. В июле 1869 г. школа, сменившая название на Военное училище – «Хэйгакурё:» 兵学寮, была переведена в Осака. За счёт всех этих перестановок, О:мура, настаивавший на создании вооружённых сил на основе всеобщей воинской повинности, старался найти ту модель обучения офицеров будущей армии, которая бы совершенно не зависела от старых условий и порядков и отвечала современным требованиям подготовки командного состава на Западе. На возражения консервативных членов правительства о том, что ещё неизвестно, на какой основе будут созданы вооружённые силы, О:мура, при поддержке видного военного деятеля

периода Мэйдзи Ямагата Аритомо 山縣有朋 (1838–1922), замечал, что «в любом случае вначале нужно подготовить кадровый состав и только затем набирать солдат. Иначе, без грамотного командования, дело создания сильной армии будет обречено на провал» [Тобэ, 1998, с. 30].

Всем княжествам, исходя из их размеров, было предписано отправить от пяти до 20 человек для обучения в училище. При этом О:мура требовал, чтобы это были не только самураи, но и представители крестьянского сословия. «Счастье той армии, которая силу свою основывает не на отборе особых талантов, которая не ищет в мирное время «выдающихся» начальников, не верит в призрачные таланты мирного времени, а заботится только о безжалостном удалении негодных элементов (по отношению к Японии – рядовых самураев – *Е.О.*), основывает свою силу на одинаково хорошем подборе и воспитании своего командного состава, без заблаговременного подразделения на «талантов» и простых смертных» [Морозов, 1909, с. 75]. Эту непреложную и для современной армии истину, сформулированную подполковником Генерального Штаба Российской армии Н.А. Морозовым, О:мура Масудзиро: понял одним из первых в Японии. Но осуществлению смелых планов по созданию действительно демократичной и правильной системы военного обучения О:мура помешала его скоропостижная смерть от руки реакционного самурая. Дело, начатое О:мура, продолжил во многом разделявший его взгляды Ямагата.

Несмотря на попытки привлечь к обучению в военном училище представителей всех сословий, приоритет по-прежнему оставался за самураями. Не желавшие терять исключительные права в формируемой военной системе страны, они всячески старались поступить в военное училище. В свою очередь крестьянство, традиционно стоявшее ниже военного сословия, сохраняло раболепное отношение к ним и не желало добровольно идти в училище, опасаясь, что это будет расценено как посягательство на монопольное право самураев. Вдобавок, нежелание крестьян обучаться военному делу объясняется теми же причинами, по которым они противились идти в армию по принятому в 1872 г. закону о воинской повинности (возникшими от недостатка информации мифами об опасности военной службы).

В апреле 1870 г. последовала серьёзная реорганизация училища, также преследующая цель упорядочивания системы подготовки командного состава армии. Результатом этого стало открытие при военном училище двух отделений: юношеского – «сэйэнгакуся» 青年学舎 и подросткового – «ё:нэнгакуся» 幼年学舎. Задача первого отделения заключалась в подготовке младших офицерских кадров, а во второе были переведены ученики Школы иностранных языков в Иокогама – «Иокогама (Ёкохама?) гогакусё» 横浜語学所. К тому же к училищу была приписана сформированная в январе 1869 г. учебная часть – «кё:до:тай» 教導隊, занимавшаяся подготовкой офицеров в полевых условиях.

В феврале 1872 г. Военное училище переводится в Токио и с этого времени находится в ведении созданного военного министерства. К названию училища добавили пояснение – «рикугун» 陸軍 (армия, сухопутные силы), отличающее его от Военно-морского училища. В первых числах марта в военное училище были переведены ученики Военной школы – «Нумадзу хэйгакко:» 沼津兵学校, открытой недалеко от Нагасаки в 1868 г. для обучения верных императору самураев с помощью французских инструкторов.

Обучение во всех подразделениях военного училища строилось по французской модели и вначале практически не отличалось от того, что было в последние годы бакуфу. Помимо французских преподавателей, переведённых из Нумацу, в «Хэйгакурё» работало множество французских военных офицеров, приглашённых правительством в 1869–1872 гг.

Ямагата и его сторонники прекрасно понимали роль руководящего и преподавательского состава военно-учебных заведений в подготовке командного состава армии. Условно эту роль можно выразить следующими принципами: во-первых, ответственностью перед страной и армией, которую несут военно-учебные заведения. Во-вторых, ограничением свободы проявления инициативы и самостоятельности обучаемых, что является важной составляющей правил армейского общежития и интересов служебной деятельности. Наконец, ролью, которую играет то или иное военно-учебное заведение в формировании воинского духа, представления о долге и чести, корпоративного духа и чувства товарищества.

Этими незыблемыми для армии положениями Япония всецело обязана иностранным военным инструкторам. В первые годы Мэйдзи, когда ведущая роль в преподавательском составе принадлежала иностранцам, японское руководство не могло активно влиять и управлять этими кадрами. Но уже с начала 1880-х годов, когда значительную часть преподавателей составляли японцы, правительство всячески подчёркивало и усиливало эту роль, главным образом за счёт умелой идеологической обработки этих самых преподавателей.

Как отмечают японские военные историки, образование, построенное именно по французской модели, положило начало распространению в стране передовой западной военной науки [Тобэ, с. 83]. Вместе с тем, вводя европейское образование и порядки, правительству и высшим военным кругам было чрезвычайно трудно сломать традиционный распорядок и уклад жизни учеников, большую часть которых, как мы уже отмечали, составляли самураи.

Так, одним из первых указов, принятых в военном училище, стал запрет на ношение мечей учениками. Данный указ стал первым шагом к полному запрету ношения мечей всеми без исключения самураями, принятому в 1876 г. Учеников заставляли стричь волосы, что поначалу в их глазах расценивалось как варварский обычай, превращающий их в подобие европейцев [Ягю, 1983, с. 48].

Особую проблему для учеников представляла европейская еда. В первое десятилетие Мэйдзи считалось, что европейцы достигли высокого уровня развития благодаря употреблению в пищу мяса и молочных продуктов. Для того чтобы японцы также приобрели навыки и силу европейцев, всем ученикам было предписано отказаться от традиционной японской пищи и есть только европейскую. Однако не только еда, но даже сам вид европейских столовых приборов из лужёной меди вызывал у учеников отвращение. «Мы не кошки и не собаки, чтобы есть из такой посуды» [Ягю, 1983, с. 48] – возмущались они.

Недовольство учеников вызывало и введение униформы европейского образца. Особенно ненавистны им были головные уборы, без которых нельзя было появляться на занятиях. Запрет на использование зонта во время дождя также вызывал у учеников не лучшие чувства. Всё это нередко приводило к открытому выражению недовольства. Многие, невзирая на запреты правительства, бросали учебу и бежали в свои княжества. Такая же ситуация складывалась и с введением в стране всеобщей воинской повинности в 1873 г. Значительная часть солдат покидала казармы именно в связи с насильственно насаждаемыми европейскими порядками.

Вместе с тем в военном училище вводились порядки, пришедшие по душе ученикам. Одним из примеров можно считать установление выходного дня в воскресенье и увольнительные, предоставляемые лучшим ученикам.

Ещё одним интересным примером европеизации является введение в обиход абсолютно новых для Японии временных единиц – минуты и секунды. Впервые они были приняты в военном училище, что, вследствие специфики военного дела, было, безусловно, необходимым и прогрессивным шагом. С введением всеобщей воинской повинности эти понятия, проникнув в сознание простых солдат, постепенно распространились на заводы и учреждения, и к середине 1870-х годов уже не являлись для японцев чем-то необычным.

Симпатии учеников военного училища снискали также европейские музыкальные инструменты и военные марши [Клобукова, 2018]. Таким образом, мы имеем ещё одно подтверждение тому, что вначале военное училище, а затем и вся армия, были изначальными проводниками европейской культуры и образа жизни на японской земле.

С переводом училища в столицу, созданные в его структуре подразделения получили самостоятельность, что, вкупе с открытием ряда новых ниже рассматриваемых военно-учебных заведений, положило конец существованию первого в истории Японии регулярного военного училища. Роль этого училища в военной жизни Японии трудно переоценить. Благодаря ему в стране сложилась грамотная система подготовки военных специалистов. К моменту введения всеобщей воинской повинности и создания на её основе многочисленных вооружённых сил система подготовки командного состава этой армии не только уже успешно действовала, но и смогла подготовить необходимые на первое время кадры. По мере увеличения численности армии требовалось все больше профессиональных офицеров, и созданная система с этим успешно справлялась.

Первой ступенью подготовки командного состава армии в результате реорганизации военного училища стала Военная гимназия – «Ё:нэнгакко:» 幼年学校, получившая самостоятельность от «Хэйгакурё:» в июне 1872 г. С мая 1875 г. гимназия переходит под прямое управление военного министерства.

В создаваемой системе военно-учебных заведений гимназии отводилась вспомогательная роль. Поскольку гражданское среднее образование только начинало распространяться в стране, уровень общего образования будущих офицеров императорской армии оставлял желать лучшего. Изобилующие специальными предметами военно-учебные заведения более высокого ранга не могли дополнительно включить и в без того перегруженные учебные планы общеобразовательные предметы. Таким образом, задачей военной гимназии стала общая начальная подготовка лиц, желающих посвятить себя военной службе.

Так же как и в других военно-учебных заведениях, образование в военной гимназии строилось по французской модели. Один из первых учеников гимназии, поступивший в 1873 г. Сиба Горо: 柴五郎 (1859–1945) говорил: «Все преподаватели, включая директора гимназии, были французы. Соответственно занятия также велись на французском языке. Родной язык, родная история, мораль и каллиграфия в учебном плане отсутствовали. Вместо этого нас заставляли изучать историю и географию Франции» [Тобэ, 1998, с. 88]. Во главе гимназии стояла группа французских офицеров, приглашённая правительством еще в 1871 г.

Вызывавший многочисленные нарекания учебный процесс кардинально изменился в 1875 г. Занятия стали проводиться на японском языке, ввели мораль, историю Японии

и каллиграфию. Основное внимание в гимназии уделялось изучению иностранных языков, причём изначально это был только французский, а с 1879 г. было введено преподавание немецкого и с 1885 – русского языка. Ученики получали право самостоятельного выбора одного из трёх языков. Поскольку гимназия играла роль средней школы, доля собственно военных предметов в учебном плане была ничтожна и включала лишь историю военного искусства, лекции по которой читались один раз в месяц. Несмотря на то, что в задачу гимназии входило «воспитание и укрепление духа будущих солдат и их практическая подготовка к тяжелой воинской службе» [Этогава, 2003, с. 8], практические занятия проводились лишь один раз за весь период обучения. Возраст поступающих был установлен в 15 лет, срок обучения – в три года. Число учеников не превышало 50 человек.

Изначально все затраты на обучение брало правительство, что соответствовало разработанным ещё О:мура Масудзиро: планам привлечения к военной службе выходцев из небогатых семей, не имевших средств на оплату обучения и другие сопутствующие затраты.

В 1880 г. обучение в гимназии стало платным. Исключение было сделано лишь для детей погибших и получивших тяжёлые ранения офицеров. Вместе с тем, наиболее способным ученикам, семьи которых находились в крайне тяжелом финансовом положении, правительство нередко полностью или частично возмещало понесенные расходы. Все эти исключения были отменены в 1896 г., то есть после окончания войны с Китаем. На наш взгляд, отмена бесплатного обучения была вызвана повышением статуса армии в обществе и государстве. Если в 1870-х годах финансовый стимул был основным, определявшим желание идти на военную службу, то с 1880-х годов, благодаря повышению статуса вооружённых сил в обществе, обучение военному делу и военная служба стали рассматриваться как особая привилегия, дающая почёт и уважение. В связи с этим уже не было недостатка в желающих обучаться военному делу и правительство могло свободно направить высвободившиеся средства на другие цели.

В начале 1880-х годов система образования в гимназии вновь претерпела некоторые изменения. Французские инструкторы были заменены немецкими, что связано с начавшимся в 1879 г. переводом армии на немецкий стиль. Главным образом, это можно объяснить тем, что в отличие от «демократичной» французской, немецкая система носила ярко выраженный авторитарный характер и пресекала всякое проявление индивидуальности. Именно прусская модель как нельзя лучше соответствовала избранному Японией курсу на внешнюю экспансию.

С окончанием японо-китайской войны, Японии, начавшей подготовку к войне с Россией, требовалось многократное увеличение офицерского корпуса. Для этого с 1896 г. помимо военной гимназии в Токио, получившей название Центральной военной гимназии – «Тюо ё:нэнгакко:» 中央幼年学校, в пяти городах (Осака, Нагоя, Хиросима, Сэндай и Кумамото) открылись Провинциальные военные гимназии – «Тихо: ё:нэнгакко:» 地方幼年学校. Ученики, закончившие провинциальные отделения гимназий, в течение двух лет обучались в центральной гимназии. Таким образом, общий срок обучения увеличивался с трёх до пяти лет. Вместе с тем возраст поступающих был снижен с 15 до 13 лет, что соответствовало возрасту учеников обычных средних школ. Но снижение возрастного ценза имело более вескую причину – желание правящих кругов контролировать и воспитывать занятых в военной системе лиц как можно с более раннего возраста. Бывшие ученики гимназии отмечали, что хотя они практически не изучали военную науку, изучение истории

и особенно морали делало из них марионеток в руках верховного военного руководства [Тобэ, 1998, с. 83].

Число учеников центральной гимназии, так же как и каждой провинциальной, составляло 50 человек. Таким образом, общее число учащихся гимназии ежегодно составляло 300 человек. Если до японо-китайской войны из 50 выпускников гимназии лишь 20 человек продолжали обучение в ниже рассматриваемом Военном (офицерском) училище – «Сикан гакко:» 士官学校, то после её окончания из 300 выпускников свыше 250 могли продолжить обучение в военном училище.

Второй ступенью подготовки офицерского состава сухопутных сил стало Военное (офицерское) училище. Училище было открыто летом 1875 г., но полностью строительство учебного комплекса было завершено только к 1878 г.

Как уже было отмечено, до открытия военного училища подготовка офицеров проводилась на юношеском отделении («сэйнэнгакуся») Военного училища («Хэйгакурё:»). До упразднения в апреле 1872 г. это отделение подготовило около 500 офицеров, большая часть которых составила средний командный состав формируемой с января 1873 г. армии. Тот факт, что военное училище было открыто спустя три года после закрытия подросткового отделения, объясняется отсутствием выпускников военной гимназии, первый выпуск которой состоялся весной 1875 г. Таким образом, реорганизация «Хэйгакурё:» привела к сбою в подготовке офицерских кадров как раз в то время, когда от их наличия зависело будущее Японии.

Но полностью подготовка офицеров прервана не была. В октябре 1873 г. была открыта Военная школа Тояма – «Рикугун То:яма гакко:» 陸軍東山学校, играющая роль временного военного училища. В качестве учеников туда направлялись лучшие унтер-офицеры регулярной армии. Также школа занималась переподготовкой офицеров, которые по тем или иным причинам не получили должностей в вооруженных силах. За два года существования временное училище выпустило около 400 офицеров, что в целом позволило укомплектовать сухопутные силы командным составом среднего звена. Подготовка офицеров включала овладение традиционными боевыми искусствами, главным из которых была техника владения мечом. Большое значение уделялось штыковому бою, дзюдзюцу и даже сумо [Power, 1998, p. 12].

В связи с недостатком преподавателей, инструкторами в школе работали самураи, прошедшие обучение в «Хэйгакурё:» в 1868–1871 гг. Разумеется, уровень образования, полученный у таких «преподавателей», был крайне низок. Особенно ярко это проявилось во время крупнейшего самурайского восстания 1877 г., когда прошедшие подготовку во временном училище командиры взводов и рот императорской армии не единожды совершали серьёзные стратегические и тактические ошибки. Возможно, данный факт стал причиной окончательной достройки военного училища, завершившейся в середине 1878 г.

С этим событием связан один довольно любопытный факт: церемонию завершения строительства посетил император и в честь этого была повторно проведена выпускная церемония учеников, окончивших школу в декабре 1877 г. Выступая с торжественной речью, император сказал: «Считая мощь войск полностью зависящей от степени подготовки офицеров, мы начали постройку этого училища. Сейчас, после успешного окончания строительных работ, Мы вместе с вами отмечаем это радостное событие. Развитие

и процветание нашей армии всецело зависят от воспитания грамотных офицеров, и поэтому Я возлагаю особые надежды на училище» [Мэйдзинэнкан хо:рэй дзэнсю: 1993, с. 1684]. С этого времени посещение выпускных церемоний в военном училище императором стало традицией, которую после смерти Муцухито продолжили императоры Тайсё 大正 (Ёсихито 嘉仁) (1879–1926) и Сёва 昭和 (Хирохито 裕仁) (1901–1989), что ещё раз подтверждает исключительную значимость военного образования в истории милитаристской Японии.

Что касается системы и сроков обучения, изначально они повторяли порядок, принятый в военной гимназии. Единственное серьёзное отличие заключалось в наличии большого числа военных дисциплин. Система обучения коренным образом изменилась в 1885 г., когда французские инструкторы были заменены немецкими офицерами во главе с профессором Берлинской военной академии майором Клеменсом Меккелем (1842–1906). Если раньше для поступления в училище необходимо было сдать только вступительный экзамен, то с принятием немецкой модели, помимо вступительного экзамена, желающие поступить в училище должны были в течение года пройти военную службу в определённом подразделении действующей армии. При этом срок обучения сокращался наполовину и составлял полтора года. Исключение было сделано только для выпускников военной гимназии, которые проходили службу в течение шести месяцев. Польза принятой системы очевидна. Будущие офицеры получали опыт службы в качестве рядовых солдат и унтер-офицеров, что, безусловно, помогало им после назначения на должность. Помимо военной службы до зачисления в училище, выпускники, прежде чем получить звание, вновь проходили службу в течение шести месяцев, но уже в качестве офицеров-стажёров. По окончании срока командир подразделения, в котором служил стажёр, составлял отчёт о его службе, на основании которого экзаменационная комиссия училища решала, достоин ли он офицерского звания или нет.

Момент, когда выпускник получал офицерский чин, был решающим в его жизни: он как бы переступал невидимую и формально не существующую черту, отделявшую новую военную элиту от простого народа. Этот переход в корне менял его положение в обществе. Неслучайно законодательные вопросы производства в офицеры тщательно регулировались и контролировались военным министерством и генеральным штабом.

С переходом на немецкую систему обучения, присутствующие в учебном плане военного училища немногочисленные общеобразовательные предметы (история, каллиграфия) были исключены. Вместе с тем увеличилось количество часов для иностранных языков (немецкий, французский и русский). В числе основных военных предметов училища были история западного военного искусства, тактика, стратегия, организация и управление армией, строевая подготовка, стрелковое дело, геоморфология, картография, верховая езда, фортификация и связь.

Важное отличие военного училища от военной гимназии заключалось в бесплатном образовании на протяжении всего его существования (до декабря 1945 г.), что было связано с невозможностью поступления туда посторонних лиц, то есть не окончивших гимназию, либо не имевших протекции в высшем армейском командовании. Специалист по военной истории периода Мэйдзи Хирота Тэраюки отмечает, что «военное училище давало определённому кругу лиц возможность занять высокое положение в обществе, не затратив при этом ни иены» [Хирота, 1997, с. 58].

Ещё одной особенностью училища было отсутствие определённого числа ежегодно набираемых учеников. До 1885 г. в среднем в училище поступало 20–30 человек, но с переходом на немецкую систему число поступающих стало неуклонно расти, и к 1894 г. достигло 200 человек [Тобэ, 1998, с. 96]. Японо-китайская война и подготовка к войне с Россией привели к ещё большему увеличению приёма. В 1903 г. ежегодно из стен училища выходило уже около 600 офицеров [Тобэ, 1998, с. 96]. Массовая подготовка офицеров, каждый из которых имел собственные амбиции и стремления, несмотря на старания руководства училища объединить их на основе солидарности, патриотизма и единой цели, которой все они служат, приводила к жёсткой конкуренции. «Соученики внешне представляли собой образец дружбы и сплочённости, но стоило им покинуть стены училища, между ними начиналась жесточайшая борьба за лучшие посты в армии. В этой борьбе использовались все возможные средства» [Такаси, 1976, с. 42]. Данное противостояние не было устранено и в дальнейшем.

Третьей, высшей ступенью подготовки командного состава армии стала Военная академия – «Рикугун дайгакко:» 陸軍大学校, открытая в 1883 г. в Токио. До японо-китайской войны академия готовила исключительно штабных офицеров, но затем там проходили подготовку и командующие дивизиями. Поскольку основной задачей академии была подготовка именно штабных офицеров, она, единственная из всех военно-учебных заведений, находилась в ведении генерального штаба.

Непосредственной причиной открытия академии стало самурайское восстание 1877 г., показавшее малочисленность и низкий уровень образования штабных офицеров, что негативно отражалось на выработке и применении боевой тактики и стратегии. До 1877 г. в Японии не было полного и эффективного управления стратегическими армейскими единицами. Научная стратегия растворялась в самурайской гордости, ненависти к трусости и стремлении к эпатажу, господствовавших в умах командиров подразделений. Вместе с тем, сложная структура сухопутных сил, включающая пять родов войск, требовала не только грамотных командиров подразделений, но и компетентного штабного руководства, подготовкой которого и занималась академия.

Слушателями академии были обер-офицеры до звания капитана всех родов войск, отличающиеся хорошим поведением, здоровьем и талантом [Тулзаков, 1913, с. 66]. Поступавшие сдавали два экзамена. Предварительный или начальный – «сёсин сикэн» 初新試験 – проводился при штабе дивизии под наблюдением офицера генерального штаба. По его окончании результаты отсылались директору академии, который в присутствии совета офицеров генерального штаба рассматривал результаты и давал рекомендации лицам, допущенным к вступительному или повторному экзамену – «сайсин сикэн» 再新試験. Задачей вступительного экзамена было определение у кандидатов уровня общих знаний и, главное, – их отношения к военной службе.

Принятую изначально французскую образовательную модель в 1885 г. заменили немецкой. Главная её особенность, отличающая академию от других военно-учебных заведений, заключалась в разработанной Меккелем методике преподавания. Ежедневно студенты стали получать стратегические и тактические задачи, самостоятельное решение которых должны были аргументировано доказывать, то есть логически подойти к выбору наилучшего решения. Благодаря этому слушатели не просто заучивали материал, но

и развивали способности самостоятельного мышления, необходимого для принятия оперативных решений. Такой подход к обучению ранее был неведом в Японии. Считая практику лучше всякой теории, Меккель ежемесячно проводил полевые занятия по моделированию различных боевых ситуаций. Перед выпуском, в августе-сентябре слушатели проходили трёхнедельную практику (сборы) в отдаленных районах, во время которой сдавали итоговый практический экзамен. Что касается теоретических занятий, то помимо предметов, преподаваемых в военном училище, в академии читались лекции по управлению, общественному праву, государственному устройству и законодательству [Тобэ, 1998, с. 98]. Наличие в учебном плане таких слабо связанных с военным делом аспектов чрезвычайно расширяло кругозор будущей военной элиты.

Хотя первая половина периода Мэйдзи проходила под знаком европеизации, многие существенные реалии европейской жизни оставались японцам недоступны. Во многом этот недостаток восполняли иностранные инструкторы, работавшие в военно-учебных заведениях, и, в первую очередь, в военной академии. Благодаря им многие неправдоподобные, а зачастую и просто фантастические представления японцев о Западе, постепенно оставались в прошлом.

Языковая подготовка будущих штабных офицеров была намного сильнее, чем выпускников военной гимназии и военного училища. В академии преподавалось пять языков – немецкий, французский, английский, китайский и русский. Так же как и в военном училище, срок обучения составлял три года. Ежегодно слушателям академии предоставлялся трёхнедельный отпуск. Выпускные церемонии, на которых обязательно присутствовал император, проходили с большой помпезностью. Поскольку академия готовила высшую элиту военных кругов, играющую существенную роль во внутри- и внешнеполитической жизни страны, это оказывало влияние и на число обучающихся. Как указывает Хирота Тэраюки, с 1887 по 1895 г. академия ежегодно выпускала 20 штабных офицеров, но с расширением её функций после японо-китайской войны их число увеличилось до 50 [Хирота, 1997, с. 72].

Несмотря на эффективность и логичность, установленная Меккелем методика преподавания нередко вызвала сильную критику со стороны наиболее консервативной части правительства. Особенно сильные нападки вызывали введённые Меккелем элементы дискуссий на занятиях, призванные развить в учениках навыки самостоятельного подхода к решению стратегических и тактических задач. Ямагата Аритомо отмечал: «Сложившаяся в военной академии система образования порождает споры ради самих споров, что в итоге не лучшим образом сказывается на дисциплине и подготовке в целом» [Тобэ, 1998, с. 101]. В действительности опасения Ямагата вызывала не столько сама методика образования, сколько опасение, что на фоне дискуссий по решению учебных задач, появятся дискуссии, касающиеся вооружённых сил в целом. Вместе с тем была и объективная критика в адрес учебного процесса. Опасение вызывало недостаточное изучение слушателями основ военного руководства и интендантства (коммуникаций и снабжения армии) – аспектов, в которых штабному офицеру необходимо быть сведущим.

Открытие военной академии завершило формирование трёхуровневой структуры подготовки командного состава армии. Перед началом японо-китайской войны в стране было открыто несколько узкоспециализированных военных школ: Стрелково-артиллерийское училище – «Рикугун хо:хэйсятэки гакко:» 陸軍砲兵射の学校 (1886), Военно-медицинское училище – «Гунъи гакко:» 軍医学校 (1888), Кавалерийское училище – «Рикугун дзё:ба

гакко:» 陸軍乗馬学校 (1888), Военно-инженерное артиллерийское училище – «Рикугун хо:ко: гакко:» 陸軍砲工学校 (1889), Интендантское училище – «Рикугун кэйри гакко:» 陸軍經理学校 (1890). Задачей всех этих училищ было восполнение недостатка профессиональных знаний по отдельным военным аспектам у рядового и офицерского состава армии в условиях подготовки войны с Китаем. На протяжении всей последующей истории императорской армии костяк вооруженных сил составляли выпускники трёх вышерассмотренных военно-учебных заведений, а вкупе с гармонично дополняющими их выпускниками специализированных училищ, Япония получила исключительную систему военного обучения, позволившую обеспечить четкое руководство армией и устранить недостаток профессиональных офицерских кадров. Особо значимым при этом является чрезвычайно короткий срок, за который Япония создала и усовершенствовала грамотную профессиональную подготовку военных специалистов.

Военная история любой страны свидетельствует о чрезвычайной и даже исключительной важности подготовки офицерских кадров. Это естественно, поскольку именно офицеры служат костяком, организующей силой вооруженных сил. Без надёжных, преданных и хорошо обученных офицеров невозможно создать сильную армию. Проводники военной реформы в Японии прекрасно осознавали это. Неслучайно, что подготовка командного состава сухопутных сил началась прежде, чем была создана сама армия на основе всеобщей воинской повинности. В последние годы существования осознало это и Токугава бакуфу. Но идущие в обществе процессы остановить оно было уже не в силах, и ему физически не хватило времени воплотить разработанные планы по подготовке профессиональных военных кадров по европейской модели с привлечением голландских и французских советников. То, что не сделало бакуфу, сделало правительство Мэйдзи.

Высокий уровень преподавания учебных дисциплин в военно-учебных заведениях, постоянный поиск наилучшей организационной структуры этих заведений, грамотный преподавательский состав, создание хорошей учебно-материальной базы, не испытывающей недостаток финансирования, и логичная структура всего военного образования – всё это наилучшим образом сказалось на общем боевом уровне японской императорской армии. Высокая профессиональная подготовка и сильный моральный дух японского офицера и, следовательно, простых солдат, оттачивался и совершенствовался вплоть до окончания Второй мировой войны, что находит отражение практически в любой работе, посвящённой японским вооруженным силам конца 1930-х – первой половины 1940-х годов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Айдзава Томидзо. Хэйэкися синтоку : [Памятка военному служащему]. Итоигавамати каппанся, 1886.

Гакстгаузен А. фон. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. 1. – М., 1870.

Каменев А.И. Военная школа России: уроки истории и стратегия развития. М.: СигналЪ, 1999.

Клобукова Н.Ф. Западная музыкальная культура в Японии периода Мэйдзи (1868–1912): заимствование и адаптация: дис. на соиск. уч. степ. кандидата культурологии: 24.00.01. М., 2018.

Морозов Н. Воспитание генерала и офицера, как основа побед и поражений (исторический очерк из жизни русской армии эпохи наполеоновских войн и времён плац-парада). Вильна, 1909.

Мэйдзинэнкан хо:рэй дзэнсю: : [Полное собрание законов и постановлений периода Мэйдзи]. Токио: Харасёбо, 1993. Т. 11.

Такаси Масаэ. Гунтай кё:ику э но иккосацу : [Размышления об образовании в армии] // Сисо: : [Мысль], Токио: Иванамисётэн, № 6. 1976.

Тобэ Рёити. Гякусэцу но гунтай : [Парадоксы вооруженных сил]. Токио: Тюокоронся, 1998.

Тулзаков С. Душа японской армии. СПб, 1913.

Хирота Тэраюки. Рикугун сё:ко: но кё:икусякайси : [Социальная история образования военных офицеров]. Токио: Сэорисёбо, 1997.

Этогава Харуо. Нихонрикугун но эйго кёйкуси : [История обучения английскому языку японской армии]. Вакаяма: Вакаямадайгаку сьуппан, 2003.

Ягю Эцукю. Мабороси но рикугумпэйгакурё : [«Призрачное» военное училище]. Токио: Роккосьуппан, 1983.

Power Guy. A brief history of Toyama Ryu // Shudokan Martial Arts Association (SMAA) Newsletter, USA, Springfield, 1998. Fall.

REFERENCES

Aizawa, Tomizo (1886). Heiekisha shintoku [Soldier's manual], Itoigawamatci kappansha. (In Japanese).

Etogawa, Haruo (2003). Nihonrikugun no eigokyōikushi [History of Japanese Army English Teaching], Wakayama: Wakayamadaidaku shyuppan. (In Japanese).

Etshuko, Yagyu (1983). Maboroshi no rikugunpeigakuryō [The Phantomic Military School], Tokyo: Rokkoshuppan. (In Japanese).

Gakstgauzen, A. (1870). Issledovaniya vnutrennikh otnosheniy narodnoy zhizni i v osobennosti sel'skikh uchrezhdeniy Rossii [Studies of the internal relations of folk life and especially rural institutions of Russia], Vol. 1, Moscow. (In Russian).

Hirota, Terayuki (1997). Rikugun shyōkō no kyōikushyakaishi [The social history of the military officers education], Tokyo: Seorishobo. (In Japanese).

Kamenev, A.I. (1999). Voennaya shkola Rossii: uroki istorii i strategiya razvitiya [Russian Military School: history lessons and development strategy], Moscow: Signal. (In Russian).

Klobukova N.F. (2018). Zapadnaya muzykal'naya kul'tura v Yaponii perioda Meidzi (1868–1912): zaimstvovaniye i adaptatsiya [Western musical culture in Japan of the Meiji period (1868–1912): borrowing and adaptation]: dis. na soisk. uch. step. kandidata kul'turologii [PhD dissertation (Culturology)]: 24.00.01, Moscow. (In Russian).

Meijinenkan hōrei Zenshū [Complete Meiji Laws and Regulations], (1911). Vol. 11, Tokyo: Harashobo. (In Japanese).

Morozov, N. (1909). Vospitaniye generala i ofitsera, kak osnova pobed i porazheniy (istoricheskiy ocherk iz zhizni russkoy armii epokhi napoleonovskikh voyn i vremen plats-parada) [The education of the general and officer as the basis of victories and defeats (historical sketch of

the life of the Russian army during the Napoleonic wars and the drill ground parade], Vilna. (In Russian).

Power Guy (1998). A brief history of Toyama Ryu, *Shudokan Martial Arts Association (SMAA) Newsletter*, Fall, USA, Springfield.

Takashi, Masae (1876). Guntai kyōiku e no ikkosatsu [Reflections on Army Education], *Sisō* [Thought], No. 6, Tokyo: Iwanami shoten. (In Japanese).

Tobe, Ryoichi (1998). Gyakusetsu no guntai [Paradoxes of the armed forces], Tokyo: Chuokoronsha. (In Japanese).

Tulzakov, S. (1913). Dusha yaponskoy armii [The soul of the Japanese army], St. Petersburg. (In Russian).

Поступила в редакцию 02.03.2020

Received 2 March 2020

Для цитирования: Османов Е.М. Образование новобранцев и подготовка командного состава японской императорской армии в первые годы эпохи Мэйдзи (1868–1912) // Японские исследования. 2020. № 2. С. 96–111. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10014

For citation: Osmanov E.M. (2020). Obrazovaniye novobrantsev i podgotovka komandnogo sostava yaponskoy imperatorskoy armii v pervyye gody epokhi Meydzi (1868–1912) [Education of recruits and training of commanding staff of the Japanese Imperial Army in the early years of the Meiji era (1868–1912)], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 2: 96–111. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10014